

Кулюкин С. Л. Явления телепатии и значение их в области основных психологических вопросов: По поводу соч. Камилла Фламмариона L'inconnu et les problèmes psychiques. Paris, 1900 // Богословский вестник 1901. Т. 2. № 5. С. 200–227 (2-я пагин.).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Явленія телепатії и значение ихъ въ области основныхъ психологическихъ вопросовъ.

По поводу сочиненія Камилла Фламмаріона: „L'inconnu et les problèmes psychiques“. Paris. 1900 г.

Въ прошломъ году известный французскій астрономъ Камилль Фламмаріонъ издалъ свое новое сочиненіе подъ заглавіемъ, которое въ русскомъ перевоѣ значить: „Невѣдомое и психическая проблемы“. Нѣть ничего удивительного въ томъ, что знаменитый ученый отъ звѣздного неба обратился своимъ пытливымъ взоромъ къ загадочной области нашей душевной жизни: помимо того, что истина — одна, и уму, достаточно широкому и свободному отъ предразсудковъ, хочется знать, насколько то возможно, весь Божій міръ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что изученіе неба, преимущественно предъ другими областями знанія, пробуждаетъ въ душѣ человѣка вѣчные вопросы о томъ, что такое самъ онъ — человѣкъ, неужели все разлетится въ прахъ съ его смертью, или душа наша переживетъ наше тѣло и для нея могутъ быть доступны когда-либо всѣ эти прелестные звѣздные міры, краткими разноцвѣтными огнями проникающіе, кажется, въ самую нашу душу..... Самъ Фламмаріонъ, по крайней мѣрѣ, признается, что въ числѣ другихъ мотивовъ, склоняющихъ человѣка къ признанію независимаго отъ тѣла и бессмертнаго существа нашей души, несомнѣнно нужно поставить и впечатлѣніе, производимое

на человѣка небомъ — „этой головокружительной громадой безпредѣльности и вѣчности, рас простертой въ высотахъ звѣздной ночи“ ¹⁾.... И вотъ, въ поискахъ истины, астрономъ не боится написать и выпустить въ свѣтъ сочиненіе, цѣль котораго, по словамъ самаго автора, состоить въ томъ, чтобы доказать, что „человѣческая душа существуетъ, какъ независимая отъ тѣла сущность, и что она живетъ и послѣ разрушенія нашего тѣла“ ²⁾. Авторъ прекрасно знаетъ, что невѣрующіе люди отнесутся къ этой задачѣ лишь съ недовѣріемъ и насмѣшками; но это не останавливаетъ его. Всегда среди людей находятся недовѣрчивые люди, которые, разъ укрѣшившись въ какомъ-нибудь убѣжденіи, остаются глухи ко всему для нихъ новому и все считаютъ или обманомъ, или нелѣпостью, кромѣ того, во что они вѣрятъ сами. Фламмаріонъ приводить любопытные факты подобнаго умственнаго окостенѣнія. Когда въ древней Греціи впервые была высказана мысль о томъ, что смѣна дня и ночи происходитъ вслѣдствіе вращенія земного шара вокругъ своей оси, то эту мысль не могли принять ни знаменитый философъ Платонъ, ни столь же знаменитый математикъ Архимедъ. Мало того: даже сами астрономы Гиппархъ и Птоломей отнеслись лишь съ насмѣшкой къ новому ученію о томъ, что земля наша вертится вокругъ своей оси! Но, можетъ быть, это неудивительно: было такъ давно, когда еще наука была въ младенчествѣ. Въ такомъ случаѣ, вотъ фактъ—недавній, изъ исторіи французской Академіи наукъ. Это было 11 марта 1878 года. Только что былъ изобрѣтенъ Эдиссономъ фонографъ т. е. приборъ, схватывающій звуки и затѣмъ передающій ихъ послѣ вполнѣ сходно съ оригиналомъ. Въ засѣданіи Академіи 11 марта 1878 года и былъ показанъ фонографъ однимъ изъ агентовъ Эдиссона. И вотъ, когда фонографъ сталъ повторять сказанную фразу, одинъ изъ академиковъ, почтенныхъ лѣтъ мужъ, вознегодовалъ на такую дерзость, бросился на представителя Эдиссона и схватилъ его за горло со словами: „Несчастный! нась не одурачить чревовѣщатель“! И даже шесть мѣсяцевъ послѣ того, тотъ-

1) C. Flammarion. L' Inconnu et les problèmes psychiques. Paris. 1900 г. Introduction, p. I.

2) Тамъ же, стр. 564.

же академикъ все еще заявлялъ, что въ фонографѣ онъ видѣтъ не болѣе, какъ обманъ слуха и что „металлъ не можетъ замѣнить благороднаго аппарата человѣческой рѣчи“¹⁾. Точно также, когда Лавуазье открылъ, что воздухъ состоитъ изъ кислорода и азота, нашелся ученый, который не соглашался поступиться стариннымъ взглядомъ на четверицу простыхъ тѣл—огонь, воздухъ, воду и землю, — въ пользу новаго открытия, и считалъ это открытие не болѣе, какъ абсурдомъ; и это былъ не какой-нибудь профанъ, нѣтъ — это тоже былъ знаменитый химикъ Бомѣ, изобрѣтатель остроумнаго прибора для измѣренія градусовъ спирта (ареометра)! Но и самъ вышеназванный Лавуазье тоже имѣлъ для себя камень преткновенія въ ученіи обѣ аэrolитахъ, т. е. падающихъ съ неба на землю камняхъ: когда одинъ такой камень наблюдали во всѣхъ подробностяхъ, подняли еще горячій и принесли для изслѣдованія во французскую Академію наукъ, то Лавуазье въ своемъ рапортѣ прямо заявилъ, что паденіе съ неба камней „невѣроятно и недопустимо“²⁾. И нѣтъ, кажется, того изобрѣтенія, той новой мысли или взгляда, которые бы не встрѣтили себѣ при своемъ появлѣніи ревнивыхъ противниковъ—отрицателей: открытіе профессоромъ Гальвані животнаго электричества, названного послѣ по его имени гальванизмомъ, встрѣчено было съ насмѣшками; изобрѣтатель пароходства, французъ Жуффруа, былъ встрѣченъ также съ недовѣріемъ; газовое освѣщеніе было принято уже послѣ смерти его изобрѣтателя—Филиппа Лебона, и множество другихъ тому подобныхъ примѣровъ. Чего же послѣ этого ожидать въ изслѣдованіи вопросовъ болѣе тонкаго свойства, чѣмъ осозаемые, видимые и слышимые—фонографъ, химические или электрические приборы, газовое освѣщеніе или пароходство? Съ какимъ недовѣріемъ можетъ быть встрѣчена какая-либо новая попытка въ изслѣдованіи вопроса о бессмертіи человѣческой души? И тѣмъ не менѣе, какъ сама истина не боится никакихъ насмѣшекъ или недовѣрія, такъ и ея ревнителямъ нужно лишь изслѣдовать ее съ разныхъ сторонъ, чтобы постепенно подготовить ея полное торжество. Справедливо давно остав-

¹⁾ Тамъ же, стр. 4—5.

²⁾ Тамъ же, стр. 6.

лены доказательства существованія и бессмертія души, основанныя на понятіи о ея простотѣ и тожествѣ, ибо, чтобы пользоваться этой простотой и тожествомъ, надо сначала сдѣлать ихъ очевидными и бесспорными, а это и составляетъ труднѣйшую часть задачи. Не лучше-ли обратиться къ живой, дѣйствительной жизни человѣка, чѣмъ оставаться въ сферѣ кабинетныхъ отвлеченностей, чтобы найти эту самую живую душу? Новѣйшіе романисты, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, давно поняли преимущества этого способа изученія человѣческой души, и реализмъ справедливо занялъ въ новѣйшихъ литературахъ господствующее и первое мѣсто. Но и наука психологическая видимо вступаетъ на тотъ же путь. Нѣмецкіе ученые, и изъ нихъ особенно Вундтъ, заняты экспериментальнымъ изученіемъ преимущественно психологіи познанія при посредствѣ нашихъ органовъ чувства; французскіе, и изъ нихъ извѣстный Шарко, изучаютъ опытнымъ путемъ вліяніе на волю и чувства человѣка внушенія и гипнотизаціи. И хотя неравномѣрно было бы поставить на ряду съ именемъ Вундта и Шарко имя Фламмаріона съ его вышеназваннымъ сочиненіемъ, но у Фламмаріона есть безспорно новое и оригинальное въ изученіи психологическихъ вопросовъ. Это—именно обращеніе съ запросомъ къ живымъ, дѣйствительнымъ людямъ всѣхъ странъ, званій, половъ. Запросы эти не остались безъ отвѣта. Изъ разныхъ странъ, націй и сословій получились отвѣты и сообщенія, числомъ, по словамъ Фламмаріона, свыше 1200 писемъ¹⁾. Фламмаріонъ собралъ эти письма, разобралъ ихъ по предметамъ сообщенія, привель въ систему, по возможности подвергъ пропрѣкѣ и напечаталъ ихъ въ своемъ новомъ сочиненіи, о которомъ мы теперь и говоримъ. Разсмотрѣвъ ихъ—всѣ по отдѣльнымъ главамъ, соотвѣтственно предмету сообщенія, Фламмаріонъ и дѣлаетъ затѣмъ свои выводы по вопросу о существованіи и бессмертіи души человѣка. Что же это за сообщенія? О чѣмъ они говорять? Чтобы выразиться въ немногихъ словахъ, можно сказать, что въ общемъ все эти сообщенія имѣютъ своимъ предметомъ такъ называемая телепатическая явленія душевной жизни человѣка, или, иначе, способность человѣка къ телепатіи.

¹⁾ Тамъ же, стр. 580.

Конечно, всѣмъ извѣстно слово „симпатія“ — сочувствіе одной души къ другой. Слово „телепатія“ — того же корня, что и „симпатія“, и означаетъ тоже сочувствіе, но на далекое разстояніе по пространству и времени, при чёмъ „сочувствіе“ надо понимать въ широкомъ смыслѣ душевнаго пониманія, вѣдѣнія, а не въ житейскомъ смыслѣ одной лишь расположеннности или любви къ кому-нибудь. Дѣло въ томъ, что многочисленныя наблюденія показываютъ способность нашей души видѣть и знать, безъ помощи всѣхъ нашихъ тѣлесныхъ чувствъ, т. е., безъ помощи глазъ, ушей, и всѣхъ осознательныхъ ощущеній, и при томъ не стѣсняясь ни разстояніемъ на сотни и тысячи верстъ, ни временемъ будущимъ. Кажется, что это нѣчто чудесное и непонятное: какъ можно знать однимъ внутреннимъ чувствомъ, безъ всякаго внѣшняго сообщенія, что дѣлается далеко отъ насъ, или, еще болѣе то, что будетъ въ будущемъ? Да, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, это дѣйствительно нѣчто трудно понятное, невѣдомое. Несомнѣнно одно: душа наша имѣеть какія-то невѣдомыя еще намъ силы и способности, которыя поистинѣ возвышаютъ ее надъ пространствомъ и временемъ. Факты, дающіе право на это заключеніе, бываютъ въ такомъ родѣ: больной, умирая за нѣсколько тысячъ верстъ отъ своихъ близкихъ, въ моментъ своей смерти является такъ или иначе своимъ близкимъ, и они узнаютъ поэтому о смерти своего родственника; или человѣкъ, сидя въ одномъ городѣ, ясно видѣть, что дѣлается съ такимъ-то человѣкомъ, находящемся въ другомъ городѣ, за нѣсколько сотенъ и болѣе верстъ; или во снѣ человѣкъ видѣть за много времени впередъ то, что случится послѣ, и события точь-вѣ-точъ совершаются такъ, какъ было предсказано сновидѣніемъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, сообщаемыхъ Фламмаріономъ, чтобы уяснить себѣ явленія, о которыхъ мы говоримъ, и прежде всего изъ разряда тѣхъ явленій, въ которыхъ умирающіе извѣщаютъ о себѣ тѣмъ или инымъ способомъ своихъ далекихъ—близкихъ и знакомыхъ. Одинъ знакомый Фламмаріона, именно музыкантъ Андрей Блокъ, членъ французскаго астрономическаго общества, сообщаетъ Фламмаріону слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ Римѣ въ 1896 году.

„Это было, пишетъ Андрей Блокъ, въ юнѣ 1896 года. Въ послѣдніе два мѣсяца моего пребыванія въ Италии ко

мнѣ прибыла въ Римъ повидаться со мною моя мать и поселилась возлѣ самой Французской Академіи въ частномъ пансионѣ на Грекоріанской улицѣ, гдѣ жили и Вы сами, мой дорогой учитель. Такъ какъ въ это время мнѣ нужно было, прежде чѣмъ возвратиться во Францію, окончить одну работу, то моя мать, чтобы не мѣшать мнѣ, одна осматривала городъ и приходила ко мнѣ на виллу Медичи повидаться только къ полудню, къ обѣду. Но однажды я вижу— она пришла ко мнѣ въ восемь часовъ утра, вся взволнованная. На мои разспросы она отвѣтила, что, занимаясь своимъ туалетомъ, она вдругъ увидѣла рядомъ съ собою своего племянника Рене Кремера, который, смотря на нее и смеясь, сказалъ: „Ну, вотъ я и умеръ!“ Чрезвычайно испуганная этимъ явленіемъ, она поспѣшила пойти повидаться со мною. Я успокоилъ ее, на сколько могъ, и перевель разговоръ на другіе предметы. Пятнадцать дней спустя, немнго попутешествовавши по Италіи, мы возвратились вмѣстѣ въ Парижъ и здѣсь узнали о смерти моего двоюроднаго брата Рене, унесшей его въ пятницу, 12 іюня 1896 года въ квартире, которую занимали его родители на Московской улицѣ, въ домѣ № 31. Ему было 14 лѣтъ.

Благодаря одной работѣ, которую я исполнялъ въ Римѣ во время поѣздки моей матери, я могъ провѣрить числа мѣсяца, и даже часы, въ которые совершалось это явленіе. Но вотъ въ этотъ-то самый день, т. е. 12 іюня мой маленький двоюродный братъ, нѣсколько дней назадъ заболѣвшій воспаленіемъ брюшины, и виаль въ агонію къ шести часамъ утра и умеръ въ полдень, не разъ высказавши желаніе видѣть свою тетю Берту, т. е. мою мать.

Нужно замѣтить, что ни въ одномъ изъ многочисленныхъ писемъ, которыя мы получали изъ Парижа, намъ ни слова не говорили о болѣзни моего двоюроднаго брата, хорошо знали, что моя мать питала особенную симпатію къ этому ребенку, и что она вернулась бы въ Парижъ при малѣйшемъ его недомоганіи. Добавлю, что когда въ Парижѣ шесть часовъ утра, въ Римѣ часы показываютъ, вслѣдствіе разницы географической долготы мѣста, семь часовъ и что точь-въ-точку около этого времени моя мать видѣла свое видѣніе¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 70—71.

Приведемъ другой, не менѣе загадочный, случай, сообщенный Фламмаріону одной знакомой дамой (Фере изъ Живизи).

„Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, пишетъ мадамъ Фере Фламмаріону, восходитъ къ довольно давнему времени, но я помню его какъ со вчерашняго дня: такъ сильно онъ поразилъ меня, и проживи я сто лѣтъ, я не могла бы его забыть.

Это было во время Крымской войны въ 1855 году. Я жила тогда въ Пасси, на улицѣ Деметуръ. Однажды, въ часъ обѣда, около полудня, я спустилась въ погребъ. Чрезъ отдушину въ погребъ проникалъ солнечный лучъ и освѣщалъ землю. Вдругъ эта освѣщенная часть представилась мнѣ песчаной равниной на морскомъ берегу, и на этомъ пескѣ лежала распостертъмъ мертвый человѣкъ, именно одинъ изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, батальонный командиръ. Испуганная, я не смогла двинуться далѣе впередъ, и съ трудомъ взошла на верхъ по ступенямъ лѣстницы. Семья моя, увида мою блѣдность и смущеніе, обступила меня съ вопросами, и когда я разсказала свое видѣніе, стала надо мною смеяться.

Спустя пятнадцать дней, мы получили печальную новость о смерти командира Солье: онъ умеръ при выходѣ на берегъ въ Варнѣ, и время его смерти соотвѣтствовало дню, въ который я видѣла его распостертъмъ на пескѣ погреба“¹⁾.

Фламмаріонъ сообщаетъ очень много случаевъ, подобныхъ этимъ двумъ, только что приведеннымъ. Но не всегда извѣщенія о себѣ умирающихъ происходятъ въ такой именно формѣ: иногда слышится только голосъ ихъ, зовущій къ себѣ, или же какіе-либо внѣшніе предметы, неожиданнымъ движеніемъ, такъ или иначе, наводятъ мысль человѣка на то, что гдѣ-то далеко умираетъ близкій намъ человѣкъ. Вотъ два такихъ факта.

„22 января 1893 года я была вызвана, пишетъ одна дама Фламмаріону, къ моей 82-лѣтней теткѣ, которая заболѣла нѣсколько дней назадъ передъ тѣмъ.

Когда я прибыла, то нашла свою дорогую тетю въ агоніи и почти уже безъ языка; я помѣстилась у ея изголовья

¹⁾ Тамъ же, стр. 74—75.

чтобы не покидать ее. Около 10 часовъ вечера я сидѣла около нея въ креслѣ и не спала, какъ вдругъ услыхала, что она съ изумительной силой назвала: „Люси! Люси! Люси! Я живо поднялась и увидѣла, что моя тетя совершенно потеряла сознаніе и хрипитъ. Десять минутъ спустя, она испустила послѣдній вздохъ.

Люсія была другая племянница и крестница моей тетки, и она, по мнѣнію тети, недостаточно часто ее навѣщала, такъ какъ тетя жаловалась на это своей сидѣлкѣ.

Назавтра я сказала своей кузинѣ Люсії: „Вы должны были очень удивиться, когда получили депешу о смерти нашей тети“—„Николько“, отвѣчала она, „я нѣсколько ожидала этого“. Представьте себѣ, что въ прошлую ночь, около 10 часовъ, когда я крѣпко заснула, я внезапно пробудилась, услыхавъ, что моя тетя зоветъ меня: „Люси! Люси! Люси!“ и всю остающуюся часть ночи я не спала“¹⁾). Поразительный фактъ. Въ точности его сомнѣваться мы не смѣемъ, ибо Фламмаріонъ самъ проявилъ полную осторожность какъ въ выборкѣ фактovъ, такъ и въ ихъ провѣркѣ. Что же это такое? Умирающій человѣкъ зоветъ къ себѣ отсутствующаго родственника троекратнымъ произношеніемъ его имени, и тотъ моментально слышитъ во всей точности этотъ зовъ, и просыпается отъ сна. Никакого физического посредства здѣсь не было, единственno, что здѣсь дѣйствовало, это душа умиравшей. Такимъ образомъ, здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, душа одного человѣка непосредственно вошла въ соприкосновеніе съ душой другого, и это сообщеніе оказалось быстрѣе и вѣрнѣе всякаго другого, извѣстнаго наукѣ, матеріального посредства, будь это электричество, свѣтъ или еще что другое. Какой возможенъ еще здѣсь поводъ для сомнѣній и недовѣрія? Сказать, что дѣйствуетъ какая-то неизвѣстная наукѣ сила въ родѣ электрической энергіи или свѣтовой, это тоже, что ничего не сказать, ибо нужно опредѣлить, что же это за сила и какія ея условія и свойства, а безъ этого опредѣленія, она остается какимъ-то темнымъ неизвѣстнымъ, о которомъ нельзя серьезно говорить. Съ другой стороны, внутреннему чувству каждого человѣка вполнѣ понятно то, что называется нами душою,

¹⁾ Тамъ же, стр. 107.

нашимъ самосознательнымъ „я“; но оно-то именно и дѣйствуетъ въ случаяхъ, подобныхъ вышеописаннымъ. Такъ отчего же и наукѣ бояться этого слова и не сказать прямо, что отнынѣ, съ изученіемъ фактовъ телепатіи, душа человѣческая становится и для нея не однимъ предположеніемъ, а несомнѣнной реальностью, проявляющейся въ известныхъ дѣйствіяхъ? Дальнѣйшее изученіе фактовъ телепатіи сдѣлаетъ для насть такой выводъ еще болѣе несомнѣннымъ. Вотъ еще одинъ фактъ, гдѣ извѣщеніе о себѣ умирающаго происходитъ хотя и не прямо въ видѣ явленія самого лица умирающаго, но за то согласно съ его предувѣдомленіемъ о томъ напередъ, за нѣсколько времени до дня смерти. Именно, Кловисъ Гюгъ, французскій поэтъ, пишетъ Фламмаріону слѣдующее:

„Дорогой учитель и другъ! это было въ 1871 году. Я былъ тогда въ томъ возрастѣ, когда собираются на поляхъ цвѣты, какъ Вы собираете звѣзды въ безконечной вселенной.“

Въ одно время, позабывъ о своихъ цвѣтахъ, я написалъ одну вещицу, которая стоила мнѣ нѣкотораго числа лѣтъ тюрьмы: такъ получаются неожиданные результаты въ дѣлахъ! Какъ бы то ни было, но я находился въ тюремномъ замкѣ Святаго Петра въ Марсели. Тамъ былъ также Гастонъ Кремье, осужденный на смерть. Я очень любилъ его, такъ какъ оба мы имѣли одни и тѣ же мечты и попали въ одну и ту же дѣйствительность. Въ тюрьмѣ, во время прогулокъ, намъ случалось толковать о Богѣ и бессмертіи души, хотя отъ этого разговора и мало было проку. Въ одинъ день когда нѣкоторые товарищи съ необыкновеннымъ жаромъ высказывались въ атеистическомъ и материалистическомъ смыслѣ, я, по знаку Кремье, замѣтилъ имъ, что съ нашей стороны было мало деликатно высказывать эти ощущенія въ присутствіи осужденного на смерть человѣка, который вѣрилъ въ Бога и въ бессмертіе души. Тогда осужденный сказалъ мнѣ съ улыбкой: „Спасибо, мой другъ! Когда меня разстрѣляютъ, я приду къ Вамъ въ доказательство съ извѣщеніемъ въ Вашу камеру“.

Утромъ, 30 ноября, на разсвѣтѣ, внезапно я былъ разбуженъ отъ стука въ мой столъ легкими сухими ударами. Я перевернулся, стукъ прекратился, и я снова заснуль. Спустя нѣсколько моментовъ, тотъ же самый стукъ возобновился

снова. Тогда я вскочилъ съ кровати и сѣлъ, вполнѣ проснувшись, къ столу: стукъ продолжался. Такъ повторилось еще разъ или два, все въ одной и той же обстановкѣ.

Каждое утро, вставши съ постели, я привыкъ отправляться, при участіи добряка-караульного въ камеру Гастона Кремье, где ожидала меня чашка кофе. Въ этотъ день, какъ и во всѣ другіе, я остался вѣренъ нашему дружескому *rendez-vous*. Но, увы! На дверяхъ камеры были печати, и бросивши взглядъ чрезъ потайное окошечко, я убѣдился, что пленника тамъ не было. Едва я сдѣлалъ это странное открытие, какъ добрякъ-караульный бросился въ мои объятія со слезами и сказалъ: „они разстрѣляли его сегодня утромъ на разсвѣтѣ; онъ умеръ мужественно¹⁾). И въ этомъ разсказѣ нѣть никакого мѣста для недовѣрія и отрицанія. Разсказчикъ, самъ тоже—арестованный, естественно, не могъ знать, въ какой день и часъ разстрѣлютъ его друга, товарища его по заключенію; стѣдовательно, его ожиданія не могли вызвать обмана слуха и при томъ въ тотъ именно моментъ, когда дѣйствительно и умиралъ подъ пулями его товарищъ. Что же производило эти стуки въ камерѣ Кловиса Гюга? Какъ ни страненъ этотъ фактъ, но несомнѣнно въ немъ одно: если умиравшій Кремье захотѣлъ исполнить свое обѣщаніе, извѣстить о своей смерти своего друга, то, такъ или иначе, непонятнымъ для насть стукомъ, его душа вошла въ общеніе съ душой спавшаго мирнымъ сномъ Кловиса Гюга и нагляднымъ выраженіемъ того для Гюга должны были быть эти странные стуки въ столь. Дѣло не въ томъ, были ли они дѣйствительные или только воображаемые: важенъ фактъ извѣщенія о смерти тогда именно, когда она и происходила,—извѣщенія, достигнутаго безъ всякаго вѣнчанаго посредства, на разстояніи, однимъ таинственнымъ сношеніемъ души съ душой.

Хотя Фламмаріонъ сообщаетъ 180 случаевъ извѣщенія умирающихъ о своей смерти, и столько же еще случаевъ онъ оставилъ неизданными,²⁾ но, полагаемъ, что и выше приведенныхъ достаточно, чтобы ознакомиться съ явленіями этого sorta. Сверхъ того, несомнѣнно, многимъ и раньше

¹⁾ Тамъ-же, стр. 76—77.

²⁾ Тамъ же, стр. 216.

приходилось или самимъ испытывать такія же вещи, или, еще чаще слышать разсказы о томъ отъ другихъ. По наблюденіямъ Фламмаріона, изъ 20 человѣкъ можно встрѣтить одного, который или самъ испыталъ, или отъ другихъ слышалъ что-либо подобное. Итакъ, эти случаи извѣщенія умирающихъ о своей смерти не такъ рѣдки, чтобы ихъ нужно было оставлять безъ всякаго вниманія, какъ нѣчто исключительное и невѣроятное. Но все же, на первый разъ можетъ думаться, нѣтъ-ли здѣсь одного лишь простаго совпаденія, случайного совпаденія факта смерти съ тѣмъ, что кому-нибудь въ этотъ моментъ видится или слышится? Фламмаріонъ горячо возсталъ противъ такого предположенія, и, какъ кажется, вполнѣ справедливо. Простымъ цифровымъ разсчетомъ онъ опровергаетъ объясненіе приведенныхъ фактъ однимъ случайнymъ совпаденіемъ. Если выразить въ среднемъ годовую цифру смертности отношеніемъ 22 къ 1000, то также цифра для однихъ сутокъ будетъ въ 365 разъ меньше, т. е., на 16591 человѣкъ придется въ сутки одна смерть. Значить, если объяснять дѣло однимъ случайнymъ совпаденіемъ, и это совпаденіе ограничивать границами однихъ сутокъ, то изъ 16591 случаевъ смерти лишь одинъ случай извѣщенія умирающаго могъ бы быть объясненъ, безъ дальнѣйшихъ сомнѣній, одною случайностью. На самомъ же дѣлѣ, случаи извѣщенія умирающихъ о своей смерти, имѣютъ мѣсто гораздо чаще, чѣмъ одинъ разъ изъ 16591. Итакъ, здѣсь дѣло не въ случайномъ, а въ такомъ или иномъ причинномъ отношеніи души умирающаго къ душевному состоянію того, кому онъ является тѣмъ или другимъ способомъ¹⁾. Конечно, при настоящемъ состояніи психологическихъ знаній, еще довольно трудно рѣшительно говорить о сущности этого отношенія. Тѣмъ не менѣе, Фламмаріонъ дѣлаетъ довольно вѣроятную догадку для объясненія, допуская существованіе „психологической силы истекающей изъ человѣческаго существа и способной дѣйствовать на большихъ разстояніяхъ“²⁾. Дѣйствіе на разстояніи вообще замѣчается повсюду въ природѣ, и, можетъ быть, вслѣдствіе его всегдашней и большой распространенности мы и

¹⁾ Тамъ же, стр. 227—228.

²⁾ Стр. 275.

не замѣчаемъ этого глубокаго по смыслу и поразительнаго явленія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое звукъ, свѣтъ, электричество, сила тяготѣнія? Не дѣйствуетъ-ли все это на разстояніяхъ, и при томъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ чрезвычайно большихъ, какъ, напр., дѣйствуетъ свѣтъ? Какая, въ самомъ дѣлѣ, сила заставляетъ свѣтовыя волны катиться съ непостижимой быстротой отъ великоглѣднаго Сиріуса или Полярной звѣзды до нашей маленькой планеты—Земли, чтобы попасть затѣмъ въ глазъ наблюдателя? Или почему обиліе солнечныхъ пятенъ въ иной годъ вызываетъ преимущественное колебаніе магнитной стрѣлки? Не чудесно-ли, не поразительно-ли, что такія громадныя разстоянія уничтожаются, уступая мѣсто для дѣйствія какой-то непонятной и могучей силѣ? Но не нужно далеко отходить человѣку и отъ самаго себя, чтобы натолкнуться на столь же чудесное и поразительное. Въ самомъ дѣлѣ, что такое моя мысль и воображеніе? Существуютъ-ли для меня здѣсь разстоянія и преграды? Не обслѣдуетъ-ли человѣкъ и прошедшее, и будущее, и далекое, и близкое, и большое, и малое? По истинѣ, это великая тайна-жизнь духа человѣческаго и явленія телепатіи, хотя представляютъ въ настоящее время достойную изученія задачу, но, вѣроятно, составляютъ лишь слабый авангардъ всѣхъ явленій духовной жизни, съ которыми когда-либо предстоитъ еще ознакомиться людямъ. Такимъ образомъ, прежде всего, дальность разстоянія, въ предѣлахъ которой могутъ происходить телепатическія явленія, не выходитъ изъ сферы явленій, распространенныхъ во всей остальной природѣ. Но и самыи процессъ ихъ совершенія Фламмаріонъ думаетъ нѣсколько приправить къ процессамъ электрическимъ, свѣтовымъ и подобнымъ, въ которыхъ механическая основа явленія состоить въ передвиженіи волнъ, или въ колебаніи вещества. Подобно тому, какъ звучащее тѣло производить воздушныя волны, которыя затѣмъ на большомъ разстояніи могутъ попасть въ ухо слушателя и произвести у него слуховое ощущеніе звука; или подобно тому, какъ свѣтовыя волны эфира изъ-за миллионовъ миль попадаютъ отъ свѣтящаго тѣла въ глазъ наблюдателя и производятъ у него ощущеніе свѣта и образъ самаго свѣтящаго тѣла: такъ точно мозговыя колебанія одного человѣка могутъ на громадныя разстоянія передаваться другому чело-

вѣку и производить у него ту мысль или тотъ образъ, которыми произведены они были въ головѣ первого человѣка. Всякое живое существо, говорить Фламмаріонъ, есть какъ бы очагъ силы. Нѣтъ мысли безъ соотвѣтственнаго колебанія мозга. Что же удивительнаго, если это колебаніе передается на извѣстное разстояніе, подобно тому, какъ это бываетъ въ телефонѣ, или, еще лучше, въ фотографіи: (передача словъ посредствомъ свѣта). и въ телеграфѣ безъ проволокъ¹⁾). Такимъ образомъ, мысль умирающаго, устремленная на далекихъ родныхъ или друзей, выразившись опредѣленными колебаніями мозговыхъ частицъ, летить въ этихъ таинственныхъ колебаніяхъ по назначенному адресу и здѣсь, въ мозгѣ другого человѣка, производить аналогичныя же колебанія, которые для сознанія этого человѣка выражаются уже въ опредѣленныхъ образахъ и ощущеніяхъ зрѣнія, слуха, осязанія. Такъ возникаютъ телепатическая извѣщенія умирающихъ о своей смерти. Не нужно спѣшить заключать, что въ такомъ объясненіи этихъ явлений лежитъ материализація душевной жизни. Наукѣ еще ничего неизвѣстно объ этихъ предполагаемыхъ мозговыхъ колебаніяхъ, и, можно думать, во всякомъ случаѣ, что эти колебанія представляютъ собою нечто иное, чѣмъ колебанія электрическія, свѣтовыя, звуковыя, и подобныя, намъ уже извѣстныя, ибо и теперь уже видно, что явленія мысленной передачи не связаны необходимостью столь опредѣленныхъ и ограниченныхъ условій, какія нужны для энергіи электрической, свѣтовой, звуковой и т. п. Но главное: всѣ эти колебанія частицъ мозга все же еще не то, что личное самосознаніе, наше внутреннее „Я“. Справедливо признается, что это двѣ стороны явленій, другъ на друга никакъ не сводящихся: съ одной стороны физиологическая явленія въ дѣятельности мозга, сопровождающіяся, можетъ быть, и мозговыми волнами за предѣлы мозга, летящими съ быстротой превышающей даже быстроту свѣтовыхъ волнъ; съ другой стороны— мое, непередаваемое никому и никакъ внутреннее самосознаніе, мое „Я“. Впрочемъ, Фламмаріонъ, дѣляя догадку о передающихся отъ одного мозга къ другому колебаніяхъ, очень остороженъ въ заключеніяхъ, и признаетъ за несом-

¹⁾ Тамъ же, стр. 277—278.

иѣнныи выводъ изъ телепатическихъ явлений лишь то, что существуетъ психическая сила, для насъ еще неизвѣстная въ своихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ. „Совокупность психическихъ фактовъ, говорить онъ, показываетъ, что мы живемъ среди невидимаго міра, въ нѣдрахъ котораго дѣйствуютъ еще невѣдомыя силы“¹⁾). Какъ бы то ни было, но строго провѣренные и неоднократно наблюденные факты позволяютъ сказать, что дѣйствіе души человѣческой на разстояніе составляетъ въ настоящее время одно изъ безспорныхъ положеній психологической науки. Телепатія должна отнынѣ стать однимъ изъ непремѣнныхъ отдѣловъ психологіи.

Кромѣ вышеприведенныхъ фактовъ, въ которыхъ умирающіе извѣщаютъ о своей смерти своихъ близкихъ и родныхъ, другой разрядъ фактовъ, относящихся сюда, составляетъ такъ называемое внушеніе или гипнотизація. Въ случаяхъ этого рода человѣкъ въ точности исполняетъ волю другого лица, хотя бы она не была передана ему никакимъ обычнымъ внѣшимъ посредствомъ, т. е., ни словомъ, ни письмомъ, ни жестомъ, ни даже взглядомъ: достаточно, чтобы внушающій подумалъ или пожелалъ исполненія чего-нибудь, и тотъ, о комъ думаютъ, исполняетъ. Въ виду достаточной извѣстности опытовъ внушенія, приведемъ для примѣра лишь одинъ - другой случай. Фламмаріонъ передаетъ разсказъ доктора Дюссера, который каждый день давалъ одной своей пациенткѣ, подвергавшейся опытамъ магнетизаціи въ лѣчебныхъ цѣляхъ, приказъ спать на слѣдующій день до назначенного часа.

„Однажды, говоритъ докторъ Дюссаръ, я забылъ обѣ этой предосторожности, и вспомнилъ лишь тогда, когда былъ уже въ 700 метрахъ разстоянія отъ жилища больной. Не имѣя возможности возвратиться, я подумалъ, не будетъ ли услышано мое приказаніе не смотря на разстояніе, такъ какъ на разстояніи одного или двухъ метровъ оно было исполнено. Поэтому я формулирую приказъ спать до завтра, до 8 часовъ, и продолжаю свой путь. Назавтра я прихожу къ больной въ половинѣ восьмого: она еще спала“. „Почему это, спрашиваю, Вы еще спали?“ — „Да, вѣдь, я исполняю

¹⁾ Тамъ же, стр. 585.

Ваше же приказаніе". — „Ошибаетесь, я ушелъ, не давъ Вамъ никакого приказа". — „Правда, но пять минутъ спустя, я совершенно ясно услышала, что Вы мнѣ говорите спать до 8 часовъ". Такъ какъ до этого именно часа я обыкновенно назначалъ ей, то могло быть, что здѣсь было одно простое совпаденіе и что по привычкѣ ей показалось, что я ей приказываю. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ и устраниТЬ всякое сомнѣніе, я приказалъ больной спать до тѣхъ поръ, пока она не получить приказа проснуться. Днемъ, улучивши свободную минуту, я рѣшилъ дополнить опытъ. И вотъ, я отправляюсь изъ дома къ больной—верстъ 6 слишкомъ разстоянія — и въ это время даю приказъ о пробужденіи: въ это время было два часа. Прихожу и нахожу больную проснувшейся: на мой вопросъ, родители ея сообщаютъ мнѣ точное время ея пробужденія и это какъ разъ было то время, когда я отдалъ приказъ. Этотъ опытъ былъ повторенъ нѣсколько разъ и въ различные часы, и всегда давалъ тотъ же результатъ"¹⁾.

Насколько въ данномъ случаѣ поразительно полное подчиненіе воли пациентки волѣ доктора, — подчиненіе сознательно и нарочно практикованное докторомъ,—настолько же бываютъ поразительны и другіе случаи въ этомъ родѣ, въ которыхъ сношеніе одной души съ другой происходитъ вѣнчихъ нарочитаго намѣренія и безъ всякой мысли объ опытахъ. Вотъ одинъ такой фактъ:

„Одинъ французскій профессоръ медицинскаго факультета находился въ городѣ С.-Луи, въ Сенегалѣ, въ Африкѣ. Въ одно время онъ былъ укушенъ въ большой палецъ ноги однимъ мѣстнымъ настѣкомъ, чрезвычайно опаснымъ, известнымъ у европейцевъ подъ именемъ нигвы. Вслѣдствіе этого укуса, у доктора явилась сильная лихорадка, едва не унесшая его въ могилу и державшая его, по крайней мѣрѣ, въ теченіи 20 дней безъ всякаго сознанія. Но, вотъ нѣсколько часовъ спустя, послѣ того, какъ онъ лишился чувствъ, ему приносить телеграмму отъ его матери, бывшей въ это время во Франціи, съ запросомъ, что случилось съ докторомъ. Время отправленія телеграммы совпало съ временемъ обморока доктора. Когда впослѣдствіи докторъ выздо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 308—309.

ровѣль и пріѣхалъ во Францію, его мать рассказывала ему, что безъ всякой видимой причины, она вдругъ почувствовало какое-то беспокойство и по какому-то внушенію поняла, что ея сынъ подвергся большой опасности. Это впечатлѣніе было такъ сильно, что она тотчасъ же отправила телеграмму, чтобы получить отъ сына извѣстіе¹⁾.

Послѣдній фактъ заставляетъ предполагать, что психическая сила, вызванная къ усиленной энергіи какимъ-либо чрезвычайнымъ обстоятельствомъ, какъ бы истекая изъ одного человѣка доходитъ до другого, и здѣсь, въ сознаніи этого другого, производить такія представленія и мысли, которыхъ вызвали и у первого субъекта усиленное душевное движение. Дѣйствительно, это-нибудь что похожее на самый быстрый телеграфъ безъ всякихъ проводовъ и вибрацийъ посредствомъ. Если мы всмотримся въ ежедневную нашу обстановку, то каждый изъ насъ вспомнить не одинъ фактъ, похожий на то, что сообщается Фламмаріонъ. Всѣмъ извѣстна поговорка: „легокъ на поминъ“, а въ ней кроется указаніе на глубокій смыслъ телепатическихъ явлений. Кто въ этомъ случаѣ является первымъ и кто вторымъ? Тотъ-ли, кто подходитъ къ Вашей квартирѣ и сейчасъ войдетъ въ нее, своей психической силой вызываетъ и въ Вашей душѣ представление о себѣ, или, наоборотъ, Ваша усиленная о немъ мысль вызываетъ и его на воспоминаніе о Васъ, и онъ находитъ предлогъ и дѣло идти къ Вамъ? Въ томъ и другомъ случаѣ несомнѣнно взаимодѣйствіе душъ. Точно тоже всякий вѣроятно испытывалъ случаи, когда, пристально посмотрѣвшіи на человѣка, удается заставить его обернуться и посмотретьть на Васъ, или, наоборотъ, двоимъ субъектамъ приходится обернуться и посмотретьть одновременно въ слѣдъ другъ другу. Или, думая о какой-либо возможной встрѣчѣ, пріятной или непріятной — все равно, вдругъ Вы и имѣете эту встрѣчу: очевидно, Вы какъ бы чувствовали уже присутствіе какой-то психической силы и это чувство вызвало у Васъ мысль о ней. Такого же рода и тѣя явленія, когда два человѣка въ одно и тоже время вдругъ думаютъ объ одномъ и томъ же и даже высказываютъ свою мысль одними и тѣми же словами и въ одинъ и тотъ же моментъ. По-

¹⁾ Тамъ же, стр. 325—326.

истинъ, психологическая сила, является чѣмъ-то тонкимъ, проницательнымъ, съ легкостью несущимся по пространству, съ поразительной точностью уловляющимъ время, способнымъ видѣть, слышать, знать—безъ посредства вѣшнихъ чувствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта способность становится поистинѣ ясновидѣніемъ: до такой степени ясно и точно душа человѣка освѣдомляется о далекихъ въ пространствѣ и времени событияхъ. Въ большинствѣ случаевъ эта способность получаетъ свое примѣненіе тогда, когда родственные связи и любовь заставляютъ душу быть особенно чуткой ко всему тому, что вдалекѣ гдѣ-нибудь совершаются или еще только имѣеть совершиться съ родственными и любимыми лицами. Но бываютъ случаи, когда прозрѣніе имѣеть предметомъ такъ сказать и безразличныя вещи, и это остается пока неразрѣшимой загадкой. Особенно поразительно бываетъ прозрѣніе во снѣ. Всякій согласится, что здѣсь уже человѣкъ совершенно гарантированъ отъ всячаго вѣнчанаго посредства къ познанію окружающаго: вѣнчанія чувства почти совсѣмъ не дѣйствуютъ, по крайней мѣрѣ, въ глубокомъ снѣ, и воля не устремлена сознательно ни на что. И однако во снѣ часто прозрѣваются такія подробности, которыя могли бы быть узнаны лишь послѣ непосредственнаго и сознательнаго знакомства человѣка съ мѣстомъ, фактамъ и лицами. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такого прозрѣнія. Одно лицо изъ Бреста сообщаетъ Фламмаріону слѣдующее:

„Братъ мой служилъ съ 1870 до 1874 года въ Фучецскомъ арсеналѣ, въ Китаѣ, надсмотрщикомъ механикомъ. Одинъ изъ его друзей, также механикъ и сослуживецъ на Фучецскомъ арсеналѣ, землякъ его, приходитъ однажды къ моему брату утромъ и разсказываетъ ему слѣдующее: „Я пораженъ скорбю, дорогой мой другъ; въ эту ночь я видѣлъ во снѣ, что мой маленький ребенокъ умеръ отъ крупа, умеръ на красномъ пуховомъ одѣяль“. Братъ мой засмѣялся надъ его довѣрчивостью, заговорилъ о кошмарѣ, и чтобы разсѣять его впечатлѣніе, пригласилъ своего друга на обѣдъ. Но ничего не могло развлечь его: по его мнѣнію, его ребенокъ былъ мертвъ.“

„Первое письмо, которое онъ получилъ изъ Франціи послѣ этого разсказа, и которое было отъ его жены, увѣдом-

ляло его о смерти его ребенка, умершаго отъ крупа въ тяжелыхъ страданіяхъ, и, странное совпаденіе, умершаго на красномъ пуховомъ одѣялѣ, въ ту самую ночь, когда онъ видѣлъ свой сонъ”¹⁾.

За тысячи верстъ человѣкъ видитъ во снѣ всѣ подробности смерти своего малютки! Никакая связь представлений, никакія настроенія и мысли, занимавшія этого человѣка до сна, не объясняютъ этихъ подробностей: смерть именно въ эту ночь, именно отъ крупа, и даже именно на красномъ пуховомъ одѣялѣ! Какое объясненіе можно примѣнить здѣсь, кромѣ одного, что душа наша обладаетъ какой-то таинственной способностью познанія безъ вицѣнныхъ чувствъ, не стѣсняясь ни временемъ, ни пространствомъ? Но все же въ приведенномъ фактѣ есть мѣсто для родственной связи и на нее можно многое возложить въ объясненіи непонятнаго. Въ такомъ случаѣ вотъ фактъ, гдѣ нѣтъ никакой родственной связи или любви, и тѣмъ не менѣе поразительный по степени и точности ясновидѣнія. Фламмаріонъ передаетъ слѣдующее сообщеніе Марселя Семезье-Серизоля изъ книги этого послѣдняго, вышедшей въ 1895 году и озаглавленной „Психологія знанія“.

„Это было 18 декабря 1894 года—говоритъ названный авторъ. Во снѣ вижу я—одинъ нотаріусъ, который жилъ въ маленькомъ городкѣ, верстахъ въ 20 отъ того города, гдѣ жилъ тогда я, дѣлаетъ справки въ дѣлахъ въ своей конторѣ. Нужно сказать, что у этого нотаріуса были мои капиталы, и обычно онъ являлся ко мнѣ безъ регулярныхъ сроковъ разъ или два въ году, принося мнѣ проценты по истекшимъ срокамъ. Повторяю—его визиты не имѣли никакихъ опредѣленныхъ сроковъ, и этого нотаріуса—человѣка очень почтенного, въ генеральскомъ чинѣ, въ должности мэра, имѣвшаго знаки отличия, я никогда не видѣлъ иначе, какъ только одѣтымъ строго-прилично и почти элегантно. Въ эту же ночь, 18 декабря 1894 года, я вижу, но во снѣ, одѣтымъ въ длинный синій сюртукъ и съ черной шелковой скучейкой на головѣ. И вотъ, чрезъ день, 20 декабря, по утру, этотъ нотаріусъ явился въ мой рабочій кабинетъ и принесъ мнѣ просроченную и неожиданную сумму“. „Ну, а что же

¹⁾ Тамъ же, стр. 414.

Вы съ Вашимъ синимъ сюртукомъ и черной шелковой скучейкой“? сказалъ я ему.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ самымъ живымъ изумленіемъ и отвѣтилъ мнѣ:

— „Но какимъ образомъ Вы такъ хорошо знаете мой домашній костюмъ“?

Я рассказалъ ему свой сонъ, и тогда онъ признался мнѣ, что дѣйствительно 18 декабря онъ очень поздно занимался въ своей конторѣ и былъ одѣтъ въ одежду, описанную мною“¹⁾). Какъ ни поражаетъ такое прозрѣніе, все же наша мысль находить еще здѣсь нѣкоторую возможность дать объясненіе. Можетъ быть, этотъ нотаріусъ, сидя поздно ночью въ своей конторѣ, справлялся съ дѣлами своего довѣрителя, спавшаго въ это время мирнымъ сномъ за 20 верстъ разстоянія, думалъ о немъ, и можетъ быть думалъ усиленно, какъ какъ сумма, подлежащая полученню, была просрочена и, какъ довѣритель признается, для него даже неожиданна. Такъ или иначе, но мысль одного доходила до другого, и этотъ таинственный душевный телеграфъ былъ наведенъ, и какъ ни удивительно прозрѣніе такихъ подробностей въ костюмѣ нотаріуса, которая можно было узнать побывѣ лишь на мѣстѣ, но все же здѣсь есть одновременность по крайней мѣрѣ, т. е., одинъ человѣкъ видѣть во снѣ другого въ опредѣленное время, въ которое тотъ и дѣйствительно находился тамъ и такъ, какъ его видятъ. Но что же сказать о такихъ снахъ, которые предвидѣть будущее, о снахъ вѣщихъ. Вотъ фактъ, передаваемый Фламмаріономъ изъ недавняго прошлаго, и фактъ историческій.

„Княгиня Конти видѣть въ одну ночь во снѣ, что одна изъ комнатъ ея дворца готова обрушиться, и ея дѣтямъ, которыхъ спали въ той комнатѣ, грозить опасность быть погребенными подъ развалинами. Картина, представившаяся ея воображенію, взволновала ея сердце и всю ея кровь. Въ ужасѣ она сразу пробудилась и позвала женщинъ, которыхъ спали въ гордеробной. Тѣ пришли на крикъ, ожидая приказаній своей госпожи. Она рассказала имъ свое видѣніе и объявила, что рѣшительно желаетъ, чтобы ей принесли ея дѣтей. Женщины возражаютъ ей старинной поговоркой,

¹⁾ Тамъ же, стр. 488.

что сны—лживы („tous songes sont mensonges“). Княгиня повторила свое приказание съ настойчивостью. Гувернантка и кормилицы показали видъ, что слушаются, а сами воротились и сказали, что молодые князья спокойно спятъ, и тревожить ихъ сонъ было бы действительно убийственнымъ. Вида ихъ упорство, а можетъ быть и обманъ, княгиня строго потребовала свое платье. Отказываться больше не было предлога: пошли за князьями и едва они были въ комнатѣ матери, какъ комната, гдѣ они спали, обрушилась¹⁾.

Если сказать, что материнскій инстинктъ любви удесятирилъ чуткость ощущеній княгини Конти, и она уже слышала и чувствовала начавшееся разрушение комнаты, гдѣ спали ея дѣти, то и этимъ объясненiemъ ничего не устраивается изъ уображенія, что душа человѣка обладаетъ прозорливостью, превышающею всякую дѣятельность виѣшнихъ чувствъ, ибо что же такое, какъ не прозорливость, представляетъ собою возможность знать то, что еще не совершилось? Допустимъ, что княгиня Конти могла уже слышать и чувствовать начавшееся разрушение комнаты; но развѣ она не могла подумать, что она ошибается, что этотъ легкій, никакъ еще не слышимый трескъ происходит отъ высыханія стѣнъ комнаты, отъ забравшейся мыши, отъ лѣзущаго куданибудь вора, отъ движений и дыханія ея собственныхъ дѣтей и т. д. Почему же непремѣнно выбирается одна причина, и притомъ съ такою увѣренностью? Наконецъ, если будущее, которое прозрѣла княгиня, было еще очень близкое къ настоящему, то не мало есть фактовъ, гдѣ время исполненія того, что предчувствовала душа, отодвигается на значительное разстояніе. Такъ Фламмаріонъ передаетъ на этотъ счетъ интересный разсказъ бывшаго судьи, а нынѣ депутата ф. п., М. Берара, опубликованный имъ въ журналѣ *Revis des Revues* отъ 15 сентября 1895 года.

„Тому минуло, говорить г. Бераръ, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ. Я только что кончилъ длинное и трудное разслѣдованіе одного ужаснаго преступленія, наведшаго на все окрестное населеніе ужасъ: днемъ и ночью, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, и во снѣ и на яву, я только и видѣлъ, что трупы, кровь и убийцъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 489.

Будучи все еще подъ впечатлѣніемъ этихъ кровавыхъ воспоминаній, я отправился отдохнуть на воды въ одинъ маленький городокъ, который словно спить въ глубинѣ нашихъ, одѣтыхъ зеленью, горъ, тихій, спокойный, грустный, безъ шумящихъ казино, безъ крикливыхъ ночныхъ дилижансовъ.

Ежедневно я бродилъ по лѣсамъ, заросшимъ дубомъ, букомъ, ясенемъ, а также и громадными елями. Однъ разъ, во время такихъ прогулокъ, я окончательно сбился съ дороги, потерявши изъ виду высокія горныя вершины, по которымъ я привыкъ находить направленіе къ моей гостиницѣ. Къ ночи я выбрался изъ лѣса на пустынную дорогу, которая шла по узкому ущелью между двумя высокими горами. Спускъ былъ крутой, и въ ущельѣ, въ сторонѣ отъ дороги, помѣстился маленький ручеекъ множествомъ каскадовъ падавшій со скалъ на равнину. Съ двухъ сторонъ дороги темный лѣсъ, молчаливый до безконечности.

Дорожный столбъ показывалъ, что городъ находился въ расстояніи около 10 верстъ; это и была моя дорога. Но измученный шестичасовой ходьбой и изнуренный сильнымъ голодомъ, я хотѣлъ бы сейчасъ и пообѣдать и добраться до ночлега.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, бѣдная уединенная гостинница, настоящій привалъ для извоѣвчиковъ, показывала свою изѣдѣнную червями вывеску съ надписью: „Для свиданія друзей“. Я вошелъ.

Единственная зала была дымная и темная; меня встрѣтили хозяинъ-геркулесовскаго сложенія, съ непріятнымъ лицомъ желтаго цвѣта, и жена его, маленькая, черная, почти въ отрѣпьяхъ, съ косыми и угрюмыми глазами.

Я спросилъ поѣсть и, если можно, почлегъ. Послѣ очень дурного ужина, подъ подозрительнымъ и странно испытывающимъ взглядомъ хозяина, въ тѣни жалкой лампы, очень дурно освѣщающей, но взамѣнъ того распространяющей дымъ и отвратительный запахъ, я послѣдоваль за хозяїкой, которая провела меня по длинному коридору и прочной лѣстницѣ въ оборванную комнату, расположенную надъ копюпней. Хозяинъ, его жена и я были, конечно, одни въ этой лачугѣ, затерявшейся въ лѣсу, далеко отъ всякаго жилья.

Моя привычка—предполагать худое: такова уже моя профессія, что она заставляетъ меня думать о преступленіяхъ и возможныхъ убийствахъ. Замкнувши дверь на ключъ, я заботливо осмотрѣлъ комнату, кровать, или, скорѣе, одръ; два хромыхъ стула и въ глубинѣ комнаты дверь, она вела къ нѣкотораго рода лѣстницѣ, спускавшейся въ пустоту. Къ этой двери, чтобы задержать ее на случай, если бы кто попытался отворить ее извнѣ, я придвинула деревянный бѣлый столикъ съ разбитой чашечкой для туалета и рядомъ со столикомъ поставилъ одинъ изъ двухъ стульевъ, такимъ образомъ, дверь нельзя было открыть, не сдѣлавши шума. А затѣмъ я легъ.

Послѣ такого дня, можно думать, я заснула крѣпко. Вдругъ я сразу проснулся: мнѣ показалось, что дверь отворили, и отворяя, двинули столомъ; я былъ увѣренъ даже, что сквозь щелку замка замѣтилъ мерцаніе лампы, не то фонаря или подсвѣчника. Какъ обезумѣвшій, я вскочилъ пробудившись и закричалъ: „кто тамъ“? Ничего: тишина и полный мракъ. Должно быть померещилось: я былъ предметомъ странной иллюзіи.

Долго я оставался безъ сна, будто находясь въ какомъ-то неопредѣленномъ страхѣ. Но усталость взяла верхъ надъ страхомъ, и я заснула тяжелымъ сномъ, прерываемымъ кошмарами.

Во снѣ вижу я эту комнату, въ которой я былъ, и на кровати себя или кого другого—не знаю. Открывается потайная дверь, входитъ хозяинъ гостиницы съ длиннымъ ножемъ въ рукѣ; позади его, на порогѣ двери, стоитъ его жена, грязная, въ отрепьяхъ, закрывая своими черными пальцами свѣтъ фонаря; хозяинъ гостиницы приближается волчымъ шагомъ къ кровати и вонзаетъ ножъ въ сердце спящаго человѣка. Затѣмъ они понесли трупъ — мужъ за ноги, жена за голову, и спустились по узкой лѣстницѣ. И вотъ интересная подробность: мужъ держитъ въ зубахъ фонарь за тонкое кольцо, и убийцы спустились по кривой лѣстнице при тускломъ свѣтѣ фонаря. Въ страхѣ я сразу проснулся: на лбу холодный потъ. Чрезъ растворенные ставни въ комнату вливались лучи августовскаго солнца: это, безъ сомнѣнія, и былъ свѣтъ фонаря. Хозяйку гостиницы я увидѣла одну, безъ ея мужа, молчаливую, мрачную. Словно

изъ ада, вырвался я изъ этой мерзкой гостиницы на большую пыльную дорогу, вздохнулъ чистымъ воздухомъ елей, подъ блестящимъ солнцемъ, при крикахъ птицъ надъ головою.

О моемъ снѣ я больше не думалъ. Спустя три года, въ одномъ журналь я прочиталъ приблизительно слѣдующую заметку: „Дачники и жители города Х. очень взволнованы внезапнымъ и непонятнымъ исчезновенiemъ адвоката Виктора Арно, который, отправившись восемь дней назадъ, для прогулки на нѣсколько часовъ на гору, не вернулся болѣе въ свою гостиницу. Жители теряются въ догадкахъ объ этомъ невѣроятномъ исчезновенії“.

Не знаю, по какой странной связи представленій, мнѣ пришелъ на память мой сонъ въ гостиницѣ, но только эта связь еще сильнѣе укрѣпилась въ моемъ сознаніи послѣ того, какъ спустя три дня, тотъ же журналъ принесъ мнѣ слѣдующія строки: „отчасти напали на слѣдъ Виктора Арно. Вечеромъ 24 августа, одинъ извозчикъ видѣлъ его въ уединенной гостиницѣ, носящей название „Для свиданія друзей“. Онъ собирался провести тамъ ночь. Допрошенъ хозяинъ гостиницы, человѣкъ съ самой подозрительной репутацией, сохраняющей до сихъ поръ молчаніе о своемъ посѣтителѣ. Онъ утверждаетъ, что тотъ ушелъ отъ него въ тотъ же вечеръ и не почеваль у него. Не смотря на это утвержденіе, странные слухи начинаютъ ходить по округѣ. Говорятъ о другомъ путешественникѣ, англичанинѣ, исчезнувшемъ шесть лѣтъ назадъ. Съ другой стороны, маленькая пастушка утверждаетъ, что видѣла 26 августа, какъ хозяйка гостиницы бросила въ спрятанную подъ деревьями лужу окровавленную одежду. Здѣсь скрыта какая-то тайна, которую хорошо было бы раскрыть“.

Я не удержался дальше, и, захваченный какой-то силой непреодолимой, говорившей мнѣ, наперекоръ мнѣ самому, что мой сонъ сталъ страшною дѣйствительностью, отправился въ тотъ городъ.

Власти, освѣдомленныя о дѣлѣ черезъ общее мнѣніе, вели слѣдствіе безъ опредѣленныхъ данныхъ. Я попалъ въ кабинетъ моего коллеги — слѣдственного судіи въ тотъ самый день, когда онъ выслушивалъ показаніе моей бывшей хозяйки по гостиницѣ. Я попросилъ у него позволенія остаться въ его кабинетѣ при этомъ показаніи.

Когда вошла эта женщина, она не узнала меня, даже не обратила никакого вниманія на мое присутствіе. Она рассказала, что дѣйствительно путникъ, который по описанію походилъ на Виктора Арно, приходилъ 24 августа вечеромъ въ ея гостиницу, но на ночь тамъ не оставался. „Впрочемъ, добавила она, въ гостинницѣ два номера, и въ ту ночь оба они были заняты двумя извозчиками, уже опрошенными на слѣдствіи и подтвердившими этотъ фактъ“.

„А третій надѣ конюшней“? воскликнулъ я, неожиданно перебивши ее.

Содержательницу гостиницы передернуло, и, какъ будто внезапно пробудившись, она, кажется, узнала меня. А я, словно, вдохновленный, съ увѣренною спѣшностью продолжалъ: „Викторъ Арно легъ спать въ этой третьей комнатѣ ночью. Вы съ мужемъ пришли. Вы держали фонарь, онъ—длинный ножъ. Вы взошли по лѣстницѣ изъ конюшни, отперли потайную дверь, что ведетъ въ эту комнату. Вы сами остановились на порогѣ двери, а Вашъ мужъ пошелъ за рѣзать путника, чтобы украсть его часы и кошелекъ“.

Я рассказывалъ свой сонъ отъ трехъ лѣтъ назадъ. Съ изумлениемъ слушалъ меня мой коллега; чѣмъ касается этой женщины, то она въ ужасѣ, съ чрезмѣрно раскрытыми глазами, съ стучащими отъ страха зубами, какъ бы окаменѣла.

А я продолжалъ: „затѣмъ вдвоемъ Вы взяли трупъ, Вашъ мужъ держалъ за ноги. Вы спустили его по лѣстницѣ. Чтобы свѣтить, мужъ несъ въ зубахъ фонарь за кольцо“.

Тогда вся въ страхѣ, блѣдная, съ подкашивающимися ногами, эта женщина произнесла: „Значить, Вы все видѣли“? И послѣ того, озлобленная, отказываясь подписать свое показаніе, она замкнулась въ полную нѣмоту.

Когда мой коллега прочиталъ мой разсказъ ея мужу, онъ, будучи увѣренъ, что онъ выданъ женой, вскричалъ съ страшными проклятіями: „А, гадина, она расплатится со мной за это“!

Итакъ мой сонъ былъ вполнѣ вѣренъ и стать мрачной и страшной дѣйствительностью.

Въ конюшнѣ гостиницы, подъ густымъ слоемъ навоза, нашли трупъ несчастнаго Виктора Арно, а рядомъ съ нимъ человѣческія кости, можетъ быть, того англичанина, кото-

рый исчезъ шесть лѣтъ назадъ при столь же таинственныхъ условіяхъ”¹⁾.

Передавъ это сообщеніе бывшаго судьи, Фламмаріонъ замѣчаетъ, что оно представляетъ собою примѣръ вѣщаго сна во всей его красотѣ. И дѣйствительно, простое и случайное совпаденіе не могло бы повидимому объяснить такихъ подробностей злодѣйскаго поступка въ гостинницѣ, где имѣть остановку разсказчикъ, какія были видимы имъ во снѣ. Безспорно, что и объяснить здѣсь что-либо относительно самой возможности прозрѣнія напередъ, въ будущее, а еще больше относительно способа этого прозрѣнія—чрезвычайно затруднительно. Какимъ образомъ можетъ быть видно будущее? Развѣ оно уже опредѣлено, и не можетъ совершиться иначе, чѣмъ какъ совершается! Или, переводя эти мысли на философскій языкъ, развѣ можно признавать фатализмъ въ развитіи жизни и міра? Какъ ни интересны эти вопросы, но, въ виду строго опредѣленного предмета настоящей замѣтки, мы не можемъ имъ специально заняться, тѣмъ болѣе, что эти вопросы, при самой легкой ихъ разработкѣ, составили бы особое благодарное изслѣдованіе, скажемъ только одно: развѣ будущее, становясь постепенно настоящимъ, возвращается когда-либо съ своего уже опредѣлившагося пути, или, другими словами, развѣ есть два будущихъ? Не одно ли оно, ибо становясь прошедшимъ, развѣ можетъ оно снова стать не бывшимъ и снова ожидаться, какъ будущее, чтобы совершиться уже по новому пути?!

На эти вопросы возможенъ лишь одинъ отрицательный отвѣтъ, и съ этой стороны возможность прозрѣнія будущаго душой человѣка не является чѣмъ-либо абсурднымъ. Гораздо труднѣе вопросъ о способахъ и путяхъ этого прозрѣнія. При настоящемъ состояніи нашихъ знаній здѣсь объяснить можно слишкомъ мало, и именно, можно лишь указать, что прозрѣніе будущаго составляеть для всякаго человѣка и въ повсегдашней жизни необходимую задачу и обычное явленіе. Чтобы правильно вести домашнее хозяйство, нужно предвидѣть многія вещи за годъ и больше. Чтобы вести какое-либо общественное или государственное дѣло, предвидѣніе требуетъ еще больше, и разумность всякихъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 512—516.

предпріятія, собственно говоря, зависитъ все́дь отъ того, хорошо-ли было предвидѣно будущее. Не говорено-ли было и въ притчѣ, что человѣкъ, построившій домъ на пескѣ, получилъ плохой удѣлъ отъ своихъ трудовъ потому именно, что не предусмотрѣлъ будущаго (Ме. VII, 26—27). И, дѣйствительно, предвидѣніе будущаго многими достигается, хотя, конечно, въ разныхъ степеняхъ ясности, вѣрности и дальности по времени. Докторъ предвидѣть развязку болѣзни, мужъ государственный предвидѣть паденіе или возрожденіе государства, земледѣлецъ предвидѣть погоду и урожай, мужъ духовной строгости и чистоты предвидѣть нравственныя перевороты въ жизни и отдѣльныхъ лицъ и общества. И если всѣ эти и подобные предвидѣнія являются плодомъ, такъ сказать, дневнаго, сознательнаго размышенія, то отчего нельзѧ думать, что и во снѣ, при полномъ просторѣ дѣятельности безсознательныхъ родниковъ душевной жизни, результаты предвѣдѣнія не могутъ быть иногда точными и вѣрными? Конечно, для насъ еще не понятно такое несознательное постиженіе, постиженіе цѣльной души, такъ сказать, а не по образу дневныхъ выкладокъ и расчетовъ: но мало-ли еще для насъ непонятнаго въ природѣ нашей и всей вселенной? Такимъ образомъ, и у сновидѣній нельзѧ отнимать иѣкотораго значенія въ смыслѣ указанія на возможное будущее, хотя, конечно, нельзѧ имъ слѣпо и вѣрить, какъ нельзѧ слѣпо вѣрить и всѣмъ сознательнымъ разсчетамъ и предразсчиленіямъ. Истина дается человѣку нескоро и не сразу, а лишь путемъ долгихъ исканій и ошибокъ.

Таковы факты телепатіи, т. е. способности человѣка чувствовать и знать безъ обычныхъ вѣшнихъ посредствъ зрѣнія, слуха и осозанія, и притомъ въ предѣлахъ, не стѣсненныхъ пространствомъ и временемъ. Проливаются ли эти факты сколько-нибудь новаго свѣта на дороге для насъ старые вопросы о томъ, существуетъ ли отдѣльная отъ тѣла душа наша, и каковы ея силы и способности? Въ правѣ ли холдиний скептическій разумъ съ презрѣніемъ смотрѣть на психологію, низводя ее до физіологии, или пора ему задуматься надъ вопросомъ, можетъ ли одна физіология объяснить все въ нашей душевной жизни? Отвѣтъ на эти вопросы, кажется, понятенъ. Фламмаріонъ, разсмотрѣвший въ

вышеназванной своей книгѣ 186 присланныхъ ему сообщеній объ извѣстіяхъ умирающихъ, полученныхъ въ бодрственномъ состояніи, 70 такихъ же извѣщеній, полученныхъ во снѣ, 57 сообщеній объ опытахъ передачи мысли безъ посредства зреянія, слуха и осязанія, 49 сообщеній о случаяхъ ясновидѣнія, на разстояніи во снѣ и въ состояніи искусственного усыпленія или сомнабулизма и 76 сообщеній о вѣщихъ снахъ и предвидѣніи будущаго, по обсужденіи и проверкѣ этихъ сообщеній, дѣлаетъ изъ разсмотрѣнія ихъ слѣдующіе выводы:

- 1., Душа существуетъ какъ независимое отъ тѣла реальное существо;
- 2., Она одарена неизвѣстными еще наукѣ способностями;
- 3., Она можетъ дѣйствовать и чувствовать на разстояніи, безъ посредства внѣшнихъ чувствъ; и
- 4., Она можетъ иной разъ предвидѣть будущее, такъ какъ оно вслѣдствіе опредѣляющихъ его причинъ предопредѣлено ¹⁾.

Не касаясь вопроса о предопредѣленности будущаго, смѣло можно сказать, что факты телепатіи вполнѣ позволяютъ сдѣлать приведенные заключенія. Всѣ эти факты сводятся къ тому, что наша душа имѣетъ способность чувствовать и дѣйствовать на разстояніи, безъ необходимости непосредственнаго соприкосновенія съ предметомъ ощущаемымъ или воздействиуемымъ. Но именно это-то свойство и составляетъ отличительную способность нашей души, какъ живаго самосознательнаго „Я“. Два — главныхъ проявленія душевной жизни — мысль и воля — именно имѣютъ эти свойства дѣйствовать независимо отъ времени и пространства. Мысль береть предметы для себя изъ сферъ и близкихъ и отдаленныхъ, и прошедшихъ и будущихъ, и дѣйствительныхъ и возможныхъ: какъ нѣчто общее и самодовлѣющее (не рассматриваемое въ частныхъ условіяхъ особаго лица, мѣста и времени). мысль выше времени и пространства. Такова же и воля: если она свою энергию направила на тотъ или другой предметъ, то далекъ ли онъ, или близокъ, находится ли онъ въ близкомъ будущемъ, или въ очень отдаленномъ — для нея безразлично, для нея, какъ и для мысли, важно самое содержаніе, самый объектъ энергіи. Что касается третьяго,

¹⁾ Тамъ же, стр. 581.

обычно указываемаго психологіей, элемента душевной жизни, именно чувствованій, то новѣйшая психологія справедливо признаетъ за нимъ не самостоятельный, а лишь сопутствующій характеръ: въ живомъ организмѣ индивидуумъ всякий актъ мысли и воли сопровождается такимъ или инымъ чувствованіемъ. Такимъ образомъ, душевная энергія въ главныхъ своихъ проявленіяхъ отличается тѣми особенностями, на которыхъ указываютъ и факты телепатіи. Но насколько анализъ актовъ мысли и воли не всякому доступенъ, такъ какъ требуетъ извѣстнаго философскаго навыка, а потому не для всякаго можетъ быть убѣдительнымъ въ вопросѣ о самобытномъ существованіи души, настолько выигрываютъ въ этомъ отношеніи примѣры и доказательства изъ области телепатіи. Здѣсь проявленіе безтѣлесной мыслящей силы становится какъ бы очевиднымъ: тѣхъ тяжелыхъ материальныхъ преградъ, какія ставить тѣлу нашему пространство и время, для этой силы какъ бы и не существуетъ, и эта тонкость, легкость, независимость отъ тѣла, воплотившись въ видимыхъ фактахъ, становится ясной и убѣдительной и для скептика.

Такъ успѣхи повѣйшихъ знаній не всегда идутъ лишь къ отверженію старыхъ, но дорогихъ для человѣка идеаловъ и вѣрованій, въ числѣ которыхъ признаніе въ человѣкѣ души, какъ живой нематеріальной силы, занимаетъ по праву одно изъ первыхъ мѣсть.

Сергій Кулюкинъ.

Холмъ, Люб. г.
1901. III. 22.